

человѣчества показываетъ намъ, что эта форма собственности не существовала въ первыхъ человѣческихъ обществахъ, а начала выдѣляться изъ общей собственности рода или клана лишь на гораздо болѣе поздней ступени эволюціи — одновременно съ выдѣленіемъ семьи изъ первоначальнаго смѣшенія половъ. Это, конечно, не могло бы считаться аргументомъ противъ ея законности, если бы только она не была основана на произволѣ; мы хотимъ только показать этимъ, какъ мало цѣны имѣютъ аргументы защитниковъ буржуазіи, утверждающихъ, что собственность существовала всегда въ такомъ видѣ, какъ теперь.

Да кромѣ того, развѣ тѣ люди, которые теперь такъ возмущаются противъ анархистовъ, собирающихся отобрать у нихъ силой ихъ собственность, церемонились сколько-нибудь въ 1789 году, когда они отбирали собственность у дворянства, или когда они обманывали надежды крестьянъ, которые взяли за дѣло и стали вѣшать аристократовъ-помѣщиковъ, разрушать замки и завладѣвать помѣстьями? Развѣ цѣлью всѣхъ этихъ конфискацій и продажъ — фиктивныхъ или по непомерно дешевымъ цѣнамъ — не было ограбить въ свою пользу какъ прежнихъ собственниковъ, такъ и крестьянъ, рассчитывавшихъ также получить свою долю? Развѣ это не было простымъ проявленіемъ права сильного, которое они только прикрывали законными формами? Развѣ это лишеніе собственности не было еще болѣе несправедливымъ, чѣмъ наше — даже если бы признать, что наше несправедливо, что совершенно невѣрно? Оно совершалось не въ пользу коллективности, а ради обогащенія нѣсколькихъ торговцевъ, которые успѣли объявить войну нападавшимъ на замки крестьянамъ и начали разстрѣливать ихъ какъ разбойниковъ. Поэтому, когда буржуазію хотятъ заставитьъ отдать свою собственность, ей нечего жаловаться, что ее грабятъ: сама эта собственность есть продуктъ кражи.

VI

СЕМЬЯ.

Собственность, семья и власть развивались параллельно. Разъ только люди соединялись между собою подъ вліяніемъ потребности устранить какое-нибудь препятствіе, о которое бесполезно разбивались всѣ ихъ единичныя успія, прибыль, получаемая отъ этого соединенія силъ, должна была, несомнѣнно,

дѣлиться между всѣми. А такъ какъ, съ другой стороны, общества были временными и ихъ существованіе обуславливалось только достиженіемъ непосредственнаго результата, то эти первыя человѣческія группы должны были быть — какъ это мы видимъ у нѣкоторыхъ млекопитающихъ и у человѣкообразныхъ обезьянъ, — группами семейными, т. е. такими, гдѣ одна или нѣсколько самокъ собираются, вмѣстѣ съ дѣтенышами, вокругъ одного самца, который для поддержанія своей власти выгоняетъ изъ своей группы молодыхъ самцовъ по мѣрѣ того, какъ они подростаютъ и грозятъ сдѣлаться его соперниками.

Было бы, однако, слишкомъ смѣло заключить изъ этого, что власть самца господствовала безпредѣльно и повсюду съ самаго начала зарожденія обществъ: если у многихъ дикихъ племенъ, гдѣ семейныя единицы соединились въ болѣе значительныя группы, мы и находимъ такую власть, то другіе, очень убѣдительные, примѣры (напримѣръ существованіе обычая, гдѣ мужчина, во время рожденія ребенка, разыгрываетъ роль родильницы) показываютъ намъ, что власть, пользовавшаяся признаніемъ прежде всего, это — власть матери надъ дѣтьми*).

У однихъ племенъ дѣти входятъ въ родъ матери; у другихъ — власть мужчины уже признается, но наслѣдство переходитъ не къ его лѣтямъ, а къ дѣтямъ его сестры, что составляетъ какъ бы переходную форму между материнской и отцовской властью. Другой такой переходной формой является упомянутый уже обычай, состояшій въ томъ, что при роженіи ребенка мужчина ложится въ постель, принимаетъ лѣкарства и получаетъ поздравленія, какъ родильница. Для установленія своей власти надъ дѣтьми отцу нужно еще очевидно доказать на дѣлѣ свое отцовское право. Это было бы излишнимъ, если бы такое право не оспаривалось всѣми предыдущими обычаями, уже исчезнувшими, но оставшимися въ памяти благодаря нѣкоторымъ вызваннымъ ими практическимъ приемамъ.

А сколько разъ измѣнялись формы союза между женщиной и женщиной? Въ самомъ началѣ существованія человѣчества не было никакихъ формъ брака, и въ отношеніяхъ между полами царилъ полный беспорядокъ: каждый мужчина соединялся съ

---

*) Мы не будемъ приводить здѣсь фактовъ, потому что не имѣемъ въ виду излагать ихъ, а только хотимъ объяснить, какъ именно представляемъ мы себѣ семью будущаго. Читателей же, которые захотятъ изучить вопросъ основательнѣе, мы отсылаемъ къ спеціальнымъ трудамъ.

любой женщиной, и каждая женщина принимала или терпѣла ласки всякаго самца.

Когда человѣкъ развился и сталъ нѣсколько менѣе грубымъ, смѣшеніе половъ еще продолжало существовать, но уже начали различаться первыя степени родства. Понятія отца, матери, брата, сестры еще не обозначились ясно, но уже является запрещеніе союзовъ между племенами одного и того же тотема, имѣющими общее происхожденіе; тѣмъ не менѣе женщины еще принадлежать всѣмъ мужчинамъ, а мужчины всѣмъ женщинамъ клана. Позже, съ установленіемъ власти мужчины какъ главы семьи, степени родства начинаютъ различаться лучше; однако, браки между братьями и сестрами все еще происходятъ, и сынъ наследуетъ безъ всякихъ стѣсненій гаремъ отца; для того, чтобы мать наследника не являлась частью наследства, нужно было сдѣлать еще шагъ впередъ. Замѣтимъ, кромѣ того, что если у нѣкоторыхъ племенъ мужчина можетъ владѣть нѣсколькими женами, то есть и такія, гдѣ женщины имѣютъ по нѣскольку мужей.

Это постепенное развитіе, это преобразование обычаевъ не совершается однако съ логическою правильностью, такъ, чтобы каждая форма исчезала съ появленіемъ новой, болѣе сложной. Онѣ смѣшиваются, переплетаются между собою и составляютъ амальгаму, въ которой очень трудно разобраться. Онѣ образуютъ всевозможныя комбинаціи, сливаются другъ съ другомъ, устраняя въ одномъ мѣстѣ одинъ обычай, въ другомъ — другой, такъ что составить себѣ приблизительное понятіе о ходѣ эволюціи человѣчества можно, только пользуясь наблюденіями прежнихъ путешественниковъ надъ прошлыми племенами, а также и наблюденіями надъ племенами, до сихъ поръ существующими.

Было время, когда собственность была организована на совершенно иныхъ началахъ и распредѣлялась иначе чѣмъ теперь; современная ея организація создалась только благодаря силѣ, хитрости и воровству. Въ самомъ дѣлѣ, пока семья была родомъ ассоціаціи, въ ней, очевидно, не было частной собственности; если же то, что первоначально принадлежало всѣмъ, обратилось въ собственность нѣсколькихъ, то это могло произойти только благодаря грабежу, въ какой бы то ни было формѣ. Точно также и семья была, какъ мы видимъ, когда то совершенно иной, чѣмъ теперь, и тѣ буржуа, которые увѣряютъ, что эти два учрежденія покоятся на вѣчныхъ и неизблемыхъ зако-

нахъ, сами не знаютъ, что говорить: нѣтъ никакихъ основаній думать, что то, что развивалось прежде, не способно продолжать развиваться и въ будущемъ. Ихъ слова могли бы служить доказательствомъ лишь одного — что оба эти учрежденія, если только они дѣйствительно не развиваются, близки къ паденію, потому что, на основаніи общаго закона органической жизни, все то, что не идетъ впередъ, погибаетъ и разлагается, уступая мѣсто новымъ организмамъ, еще имѣющимъ передъ собою въ будущемъ цѣлую эволюцію.

Буржуазіи пришлось самой признать эту аксіому и, какъ поправку къ браку, который она вначалѣ хотѣла сдѣлать нерасторжимымъ, ввести разводъ. Правда, разводъ возможенъ только въ особыхъ случаяхъ и добиться его можно только посредствомъ судебного процесса, безчисленныхъ хлопотъ и значительныхъ затратъ; тѣмъ не менѣе онъ, какъ бы то ни было, является аргументомъ противъ прочности семьи. Послѣ долгаго сопротивленія, необходимость его, все-таки пришлось признать, несмотря на то, что, расторгая лежащій въ основѣ бракъ, онъ сильно расшатываетъ семью. Можетъ ли быть болѣе ясное признаніе того, что будущее принадлежитъ свободному союзу и что закрѣплять обрядомъ то, что другой обрядъ можетъ расторгнуть, совершенно бесполезно? Зачѣмъ заставлятъ одного человѣка, опоясаннаго трехцвѣтнымъ шарфомъ, освящать союзъ, который три другихъ человѣка въ судейскихъ тогахъ и шапкахъ смогутъ признать недѣйствительнымъ?

Вотъ почему анархисты отрицаютъ организацію брака и думаютъ, что если два человѣка любятъ другъ друга, то имъ нечего ждать позволенія третьяго, чтобы соединиться; разъ они этого хотятъ, обществу нѣтъ до этого никакого дѣла и ему нечего вмѣшиваться. Кромѣ того, потому только, что они разъ отдались другъ другу, союзъ мужчины и женщины не становится нерасторжимымъ, они не обязаны жить вмѣстѣ до самой смерти, даже если они перестанутъ другъ другу нравиться: то, что ихъ свободная воля сдѣлала, та же свободная воля можетъ и уничтожить.

Можетъ случиться, что подъ вліяніемъ страсти и увлеченія они видѣли другъ въ другѣ только хорошія качества и закрывали глаза на дурныя; но вотъ они сошлись, и совмѣстная жизнь сгладила эти хорошія качества, выдвинувъ, наоборотъ, недостатки и разныя шероховатости, съ которыми они не умѣютъ

справиться. Слѣдуетъ ли изъ этого, что только потому, что эти люди обманулись другъ въ другѣ въ моментъ возбужденія, они должны платиться всю жизнь за ошибку, заставившую ихъ принять за вѣчное и глубокое чувство то, что было въ дѣйствительности лишь результатомъ увлеченія?

Конечно нѣтъ! Пора намъ придти къ болѣе здоровымъ понятіямъ. Какъ будто бы любовь не оказывалась всегда сильнѣе всевозможныхъ законовъ, правилъ приличія и осужденій, которыми старались окружить проявленія полового влеченія! Развѣ порицаніе, съ которымъ относятся къ женѣ, обманывающей своего мужа (мы не говоримъ о мужчинѣ, который сумѣлъ завоевать себѣ свободу въ этомъ отношеніи), или то положеніе парн, на которое наши чопорныя общества обрекаютъ незамужнихъ матерей, мѣшали хоть когда-нибудь женщинамъ обманывать своихъ мужей, а дѣвушкамъ — отдаваться тому, кто имъ понравился или кто сумѣлъ воспользоваться моментомъ, когда чувство заглушило голосъ разсудка?

Вся исторія, вся литература переполнены разказами объ обманутыхъ мужьяхъ и обольщенныхъ дѣвушкахъ. Половая потребность — первый двигатель человѣка; тайно или явно, но въ концѣ концовъ онъ всегда уступаетъ ей.

Существуютъ и некоторые страстные, но слабыя и робкія натуры, убивающія себя вмѣстѣ съ любимымъ человѣкомъ. потому что онѣ не рѣшаются порвать съ предрасудками, не имѣютъ достаточно нравственной энергій, чтобы бороться съ препятствіями, которыя ставятъ имъ наши нравы, или глупость родителей; но на этихъ немногихъ приходится мѣлая безчисленная масса людей, не обращающихъ — втайнѣ — никакого вниманія на предрасудки. Единственное, къ чему это приводитъ, — это къ тому, что мы становимся обманщиками и лицемерами.

Зачѣмъ непременно стремиться регламентировать то, чему удалось уцѣлѣть, несмотря на цѣлые вѣка угнетенія? Признаемъ лучше разъ на всегда, что человѣческія чувства не поддаются никакой регламентаціи и что для ихъ полного и нормальнаго развитія нужна полная свобода. Не будемъ такими чопорными: мы станемъ зато откровеннѣе и нравственнѣе.

Мужчина, владѣющій собственностью, стремится передать продуктъ своихъ грабежей наслѣдникамъ; съ другой стороны женщина до сихъ поръ считалась существомъ низшимъ, скорѣе

собственностью, вещью, чѣмъ сотоварищемъ. Понятно, поэтому, что для обезпеченія своего господства надъ женой и возможности передать свое имущество по наслѣдству, мужчина стремился сдѣлать семью нерасторжимой. А такъ какъ эта семья основывалась не на взаимной привязанности, а на выгодѣ, то чтобы помѣшать ей распасться подъ вліяніемъ противоположности интересовъ, нужна была вѣншая сила.

Анархисты, которыхъ обвиняютъ въ желаніи разрушить семью, хотятъ, наоборотъ, разрушить именно этотъ антагонизмъ, основать семью на взаимной любви и сдѣлатьеетакимъ образомъ болѣе прочной. Если мужчина и женщина хотятъ прожить вмѣстѣ до конца своихъ дней, то анархисты нисколько не хотятъ мѣшать этому, только на томъ основаніи, что союзы стали свободными. И когда они говорятъ, что нужно уважать свободу личности ребенка и не смотрѣть на него, какъ на вещь или собственность родителей, они вовсе не думаютъ мѣшать отцамъ и матерямъ воспитывать своихъ дѣтей. Правда, они хотятъ уничтожить юридическую семью и сдѣлать такъ, чтобы мужчина и женщина могли сходиться или расходиться когда имъ угодно. Они отрицаютъ вмѣшательство глупаго и единообразнаго закона въ такія сложныя чувства, какъ тѣ, которыя связаны съ любовью.

Если дѣйствительно, какъ говорятъ защитники регламентаціи брачныхъ отношеній, человѣкъ склоненъ къ непостоянству, если его любовь не можетъ прочно остановиться на одномъ предметѣ, то что же дѣлать? Разъ до сихъ поръ всѣ стѣсненія ни къ чему не повели и только создали новые пороки, то предоставимъ лучше человѣческой природѣ свободу: пусть она развивается въ томъ направленіи, куда влекутъ ее ея стремленія. У человѣка хватитъ теперь настолько ума, чтобы различить, что для него полезно и что вредно, и увидать на опытѣ, въ какомъ именно направленіи нужно идти. Если законамъ эволюціи будетъ предоставлена свобода, то мы увѣрены, что шансы пережить и оставить потомство окажутся на сторонѣ наиболѣе приспособленныхъ, наилучше одаренныхъ.

Если же, какъ мы думаемъ, стремленія человѣка влекутъ его. Наоборотъ, къ единоженству, къ прочному союзу двухъ существъ, которыя, разъ встрѣтившись, научились понимать и цѣнить другъ друга и въ концѣ концовъ какъ бы слились въ одно, потому что ихъ союзъ становится все полнѣе и тѣснѣе, ихъ воля,

желанія и мысли все болѣе и болѣе тождественными, то для такихъ людей законы, принуждающіе ихъ жить вмѣстѣ, еще менѣе нужны: ихъ собственная воля служить лучшей гарантіей нерасторжимости ихъ союза.

Когда мужчина и женщина перестанутъ чувствовать себя прикованными другъ къ другу, то если они дѣйствительно другъ друга любятъ, каждый изъ нихъ будетъ стараться заслужить любовь избраннаго имъ существа. Когда каждый будетъ чувствовать, что любимый человѣкъ всегда можетъ бросить семейное гнѣздо, разъ только онъ не находитъ въ немъ того удовлетворенія, о которомъ мечталъ, онъ будетъ стараться сдѣлать все возможное, чтобы привязать его къ себѣ вполне. Какъ нѣкоторыя птицы, которыя въ пору любви одѣваются для привлеченія самокъ въ яркія перья, люди будутъ культивировать въ себѣ такія нравственныя качества, которыя смогутъ внушить къ нимъ любовь и сдѣлать ихъ общество пріятнымъ. И такого рода чувства сдѣлаютъ союзы гораздо болѣе нерасторжимыми, чѣмъ самыя жестокіе законы и самое спльное угнетеніе.

Мы, собственно, не занимаемся здѣсь критикою современнаго брака, который въ сущности равносильнъ самой наглой проституціи: браки по расчету, въ когорыхъ чувство не играетъ никакой роли, браки, заранѣе устраиваемые семьями — особенно семьями буржуазными, — причемъ у тѣхъ, кого соединяютъ такимъ образомъ, не спрашиваютъ согласія; браки неравные, гдѣ разрушающіеся старики соединяются, благодаря своимъ деньгамъ, съ полными свѣжести красоты молоденькими дѣвушками; браки, гдѣ старухи покупаютъ за деньги любовь молодыхъ людей, платящихся своимъ тѣломъ, да еще нѣкоторымъ позоромъ, за свою жажду обогащенія—эти браки уже много, много разъ критиковались, и возвращаться къ этому—лишнее. Съ насъ достаточно было показать, что половой союзъ не всегда былъ окруженъ одними и тѣми же формальностями и что онъ сдѣлается наиболѣе достойнымъ тогда, когда избавится отъ всякихъ стѣсненій. Другого выхода бесполезно и искать*).

---

*) Здѣсь слѣдовало бы изложить нашъ взглядъ на воспитаніе дѣтей въ будущемъ обществѣ, но это было уже сдѣлано въ книжкѣ "Общество на другой день послѣ революціи", въ главѣ „Ребенокъ въ новомъ обществѣ“.